

ВОЗВРАЩАЯСЬ К «НЕИЗВЕДАННОЙ ЗЕМЛЕ»

(Рец. на монографию: Шалимов С. В. Преодолеть отставание. Отечественная генетика в 1960-е–1980-е гг. М.: ЯНУС-К, 2023. 164 с.)

doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-191-194

Много лет назад два тогда еще молодых историка науки опубликовали статью под неожиданным и интригующим названием «Опыт путевода по неизведанной земле: Предварительный очерк социальной истории советской науки», которая привлекла внимание многих специалистов.¹ Оба автора профессионально занимались историей биологии, и примеры, демонстрирующие отклонение отечественной науки от «нормального русла», в основном относились именно к данному направлению исследований. Прошло три с половиной десятилетия и, казалось бы, история генетики в СССР уже во многом реконструирована и должна перестать быть одной из ключевых тем. Однако знакомство с книгой московского (а ранее петербургского и новосибирского) историка С. В. Шалимова убеждает в обратном. Автор монографии взял на себя труд выявления и анализа тех факторов, которые не только способствовали преодолению отставания генетических исследований, но и препятствовали прогрессу в этой области в 1960-е–1980-е гг. При всей своей несомненной актуальности перипетии развития генетики в СССР в эти годы и сегодня, как показывает историографический анализ, во многом возвращают читателя на «неизведанную землю» (с. 6). Представляется, что рецензируемая книга если и не стала исчерпывающим «путеводителем», то позволила частично заполнить сложившуюся в историографии лауну.

Автор позиционирует себя как социальный историк науки. Это задает методологические рамки исследования и определяет границы возможностей — к этому сюжету мы еще вернемся. Во вводной части монографии автор определяет свое понимание предлагаемого им подхода. Большое внимание уделяется анализу внешних по отношению к науке факторов: государственной политики и механизмов ее реализации применительно к генетическим исследованиям; системы «надзора и контроля», проблем организации и управления в науке; решения кадровых проблем при создании новых и трансформации старых учреждений, занимающихся генетическими исследованиями. Несомненно, история генетики представляет собой благодатную почву

для изучения всех этих аспектов, тем более что она в артикулированном виде отражает и общее состояние социального института науки в советском обществе. Тем не менее монография возвращает рецензента и, думается, вернет и читателей к старой проблеме — дихотомии «интерналистов» и «экстерналистов» в исследованиях по истории науки² — проблеме вечной и, как представляется, трудноразрешимой. С. В. Шалимов рассматривает процесс институционализации и реинституционализации генетики в стране главным образом под влиянием внешнего контекста, но не упускает из виду внутринаучные корпоративные отношения. Последнее, несмотря на возможные упреки в субъективности выводов, рецензент относит к достоинствам исследования.

Академик РАН В. А. Драгавцев, известный генетик и автор предисловия к книге, отмечает, что «серьезным преимуществом работы С. В. Шалимова является источниковая база» (с. 4). Это справедливо, поскольку автором привлечен и кропотливо изучен широкий круг разнообразных источников, что во многом определяет новизну исследования. Документы извлечены из фондов восьми архивохранилищ. Они эффективно дополнены и другими материалами: периодикой, мемуарами и воспоминаниями ученых, фотодокументами. Особую ценность представляет комплекс материалов «устной истории» из личного архива автора — интервью с крупными исследователями, большинство из которых являлись непосредственными участниками описываемых событий. Использование такого рода источников в монографии позволило наполнить ее «духом времени» и отразить на страницах книги специфику эпохи.

Структура монографии стандартна, но логична и в полной мере отражает замысел автора. Она состоит из предисловия, вводной части, четырех глав основного текста, заключения и приложений. Введение знакомит со спецификой авторской исследовательской лаборатории, которая адекватна замыслу — реконструировать процесс институционализации генетических исследований в стране в рассматриваемый период. Первая глава (с. 14–39) возвращает читателя во вторую половину 1950-х–1960-е гг., когда в условиях «оттепели» произошла активизация научного сообщества, в частности, проявившаяся в известном «письме

¹ Александров Д. А., Кременцов Н. Л. Опыт путевода по неизведанной земле: предварительный очерк социальной истории советской науки (1917–1950 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 4. С. 67–80.

² См.: Graham L. Science in Russia and the Soviet Union: A short history. Cambridge, 1993. P. 144.

трехсот», осуждавшем Т. Д. Лысенко и социальные последствия его теории. Оно справедливо представлено как маркер начала системных изменений в государственной политике по отношению к этой науке. Автор анализирует процесс трансформации генетических исследований в стране, пока еще неустойчивый и противоречивый, расставляя акценты на трех территориальных центрах — Москве, Ленинграде и Новосибирске.

Значительное внимание уделяется постановлению Президиума АН СССР от 25 декабря 1964 г. «О развитии в Академии наук научно-исследовательских работ в области генетики» и его роли в создании Института общей генетики АН СССР (ИОГен), Научного совета по вопросам генетики и селекции, журнала «Генетика», а также ряда лабораторий в других научных учреждениях. Характеризуется трудный процесс восстановления тематики исследований, формирования новых учреждений в различных регионах страны, системы подготовки специалистов и организации научно-просветительской работы. В книге отмечается энтузиазм сообщества ученых-генетиков, как движущей силы воссоздания традиции генетических исследований, но отмечается, что процесс этот не был гладким. Часто возникали проблемы в межличностных отношениях отдельных ученых и, в особенности, руководителей институтов и лабораторий, а также сохранялось латентное сопротивление сторонников Лысенко, которые все еще составляли критическое большинство специалистов в ряде учреждений биологической и сельскохозяйственной науки. После, казалось бы, обозначившейся тенденции восстановления генетики, в конце 1960-х гг. наметилось охлаждение и даже реверсивное движение. В подтверждение своих суждений автор приводит слова академика Д. К. Беляева о том, что положение генетики в стране «не вполне удовлетворительно по сравнению с потенциальными возможностями» (с. 29). С. В. Шалимов аргументированно утверждает, что причины этого явления следует искать не только в трудностях восстановительного периода в самой науке, но и в неоконсервативном повороте в политике страны после окончания «оттепели» и в обострении борьбы с инакомыслием.

Особое внимание исследователь уделяет сохранявшемуся противоборству генетиков и «лысенковцев». В книге приводятся показательные свидетельства такого противостояния на примере публикаций и последовавших за ними дискуссий в ряде научных учреждений. Особенно интересны данные о публичном обсуждении проблем генетики человека, состоявшемся в новосибирском Академгородке в рамках семинаров в Институте цитологии и генетики СО АН СССР (ИЦиГ) и

на платформе клуба «Под интегралом», которые нашли отражение на страницах печатного органа Сибирского отделения «За науку в Сибири». Примечателен приводимый в монографии факт: на один из семинаров в ИЦиГ, проводимых под руководством Ю. Я. Керкиса, пришло более 200 человек — сотрудников иных институтов Новосибирского научного центра (с. 34). Острота дискуссий между генетиками и «лысенковцами» вызывала определенное раздражение и опасения у власти. В итоге возможности для критики идей «народного академика», по сравнению с предыдущим периодом, к концу 1960-х гг. заметно сузились. Руководство научных учреждений, академический истеблишмент были вынуждены маневрировать, чтобы снять излишнее, как представлялось, напряжение.

Вторая глава монографии «Форпосты генетики» (с. 40–82) посвящена ведущим генетическим центрам страны, получившим мощный импульс развития в рассматриваемый автором период. В центре внимания оказались два ключевых учреждения — ИОГен и ИЦиГ. Фактически глава представляет собой два очерка, или два кейса, но развитие каждого из учреждений представлено в них не изолированно, а в системе отношений, складывавшихся в академическом сообществе, и во взаимосвязях с партийно-государственными инстанциями. На страницах книги отражены проблемы управления, что потребовало от автора глубоко вникнуть в специфику академического менеджмента в каждом из институтов и реконструировать особенности сложившегося там этоса. Значительное внимание уделено роли директоров ИОГен и ИЦиГ академиков Н. П. Дубинина и Д. К. Беляева, показано, как личности директоров влияли на атмосферу в коллективах и, в конечном итоге, на прогресс научных учреждений, охарактеризованы их сложные личные взаимоотношения. Автор солидарен с мнением, что, хотя Д. К. Беляев придерживался весьма жесткого стиля управления, на стартовом этапе «это было именно то, в чем нуждался институт».³

История формирования и развития созданного в 1966 г. ИОГен, который должен был стать «главным научно-исследовательским центром в области генетики в СССР» (с. 43), реконструирована синхронно с историей Института генетики, которым руководил Т. Д. Лысенко. Такой подход выглядит корректным, поскольку упразднение одного института и создание другого были звеньями одной цепи. В книге рассматриваются проблемы, затруднившие старт нового научного учреждения. В основном они носили типичный

³ Josephson P. R. New Atlantis Revisited. Akademgorodok, The Siberian City of Science. Princeton, N. J., 1997. P. 104, 105.

характер — трудности с созданием адекватной материальной базы, недостаток финансирования, отсутствие надлежащего приборного обеспечения и т. п. Однако, как показано в монографии, особые сложности касались кадрового наполнения нового института. Вскоре после начала работы институт покинули ряд известных генетиков, в результате чего образовался разрыв между поколениями исследователей. В проблемах с персоналом проявлялась противоречивая роль его директора, крупнейшего генетика страны академика Н. П. Дубинина, который не смог избежать конфликтов и в итоге лишился поста председателя Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР — органа, в значительной мере определявшего перспективную политику развития исследований в данной отрасли науки. На этом посту его сменил директор ИЦиГ академик Д. К. Беляев. В итоге не всем надеждам, связанным с ИОГен, было суждено сбыться. Быстрого «взлета» этого учреждения не случилось, а проблемные ситуации сохранялись на протяжении всех 1970-х гг.

История ИЦиГ в Академгородке также была тесно связана с ИОГен. Их объединяет фигура Н. П. Дубинина, который являлся директором-организатором сибирского института и был освобожден от должности директора два года спустя под давлением Н. С. Хрущева. Однако в Сибири при создании центра генетических исследований он сумел сделать немало, собрав в Новосибирске пул известных генетиков, таких как Ю. Я. Керкис, Ю. П. Мирюта, И. Д. Романов, П. К. Шкварников, А. Н. Лутков, З. С. Никоро и др., ранее лишенных возможности для нормальной работы из-за засылки «лысенковцев». ИЦиГ стал своеобразным убежищем для многих исследователей из генетических центров, подвергшихся разгрому в годы «лысенковщины». Здесь уместно упомянуть, что более детальная картина формирования ИЦиГ представлена в предыдущей монографии С. В. Шалимова.⁴ Новый институт пользовался поддержкой руководителя СО АН СССР акад. М. А. Лаврентьева. И хотя в поручении Совета министров СССР от 10 марта 1965 г. отмечалось, что ИЦиГ «не может быть ведущим для страны центром генетических исследований», такое мнение оказалось безосновательным, поскольку в дальнейшем, как аргументированно утверждает С. В. Шалимов, это произошло (с. 45, 60–82). Уже при Д. К. Беляеве в ИЦиГ успешнее решались многие проблемы, ставшие камнем преткновения для ИОГен: после 1964 г. и перебазирования института в собственное здание гораздо лучше стала материальная и приборная

база, не так остро ощущался недостаток производственных площадей и т. п. Но главное отличие заключалось в состоянии кадрового потенциала, сбалансированном составе ведущих исследователей старой школы и молодежи, а также в атмосфере творческого поиска и энтузиазма. Очевидно, что на работе ИЦиГ отразилась общая ситуация успешного старта новосибирского Академгородка, который, став детищем «оттепели», в 1960-е гг. переживал самый успешный период в своем развитии.

В третьей главе монографии (с. 83–98) рассматривается проблема научно-исследовательских кадров в области генетики. Особо подчеркивается вклад «ленинградской школы», главным образом кафедры генетики и селекции Ленинградского государственного университета, в сохранении и развитии которой отмечена выдающаяся роль проф. М. Е. Лобашева. В середине 1960-х гг. кадровая проблема рассматривалась как одна из самых сложных, тормозящих возрождение генетических исследований в стране: не хватало квалифицированных преподавателей, на кафедрах многих вузов доминировали «лысенковцы», отсутствовали учебники и т. д. На этом фоне кафедра ЛГУ выглядела явным лидером. С именем М. Е. Лобашева было связано и издание первых учебников по генетике.

Второй эффективно работающий центр подготовки специалистов-генетиков сложился в Новосибирском университете (НГУ), где под руководством Д. К. Беляева была создана кафедра общей биологии. Успех во многом определялся тем, что в НГУ была реализована «физтеховская система» образования, то есть и теоретические курсы, и практические занятия велись сотрудниками академических институтов, составлявшими до 80 % преподавателей, а студенческие исследования осуществлялись в лабораториях базовых институтов.⁵ Для новой кафедры таким центром стал ИЦиГ, и это позволило обеспечить подготовку специалистов через участие в исследованиях «переднего края». В целом в книге сделан вывод, что именно Ленинградский, Московский и Новосибирский университеты «внесли значительный вклад в возрождение системы подготовки высококвалифицированных специалистов-генетиков» (с. 97–98). После прочтения книги у читателя не возникает сомнений в аргументированности этого вывода.

Четвертая глава, названная «“Холодная война” и генетики» (с. 99–130), посвящена проблемам международного сотрудничества. В ней отмечаются сложности, с которыми столкнулись советские ученые на пути интеграции в международное профессиональное сообщество. Отмечается, что

⁴ Шалимов С. В. «Спасение и возрождение»: исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964). Новосибирск, 2011.

⁵ См.: Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Новосибирский государственный университет. Создание, становление, развитие. 1959–2019. Новосибирск, 2019.

проблемы были вызваны несколькими обстоятельствами. Во-первых, сказывалось наследие прежних времен, когда в годы «лысенковщины» представители биологической науки, отрицавшие базовые законы наследственности и теории эволюции, зачастую поражали зарубежных коллег своим невежеством. Как замечал один из крупнейших авторитетов в изучении истории естествознания Л. Грехэм, «Лысенковщина была главой, скорее, из истории псевдонауки, чем из истории науки»,⁶ и такая реакция научного сообщества была вполне понятной. Требовались время и немалые усилия для того, чтобы имидж советских исследований в этой области радикально изменился. Во-вторых, над развитием научных коммуникаций висела завеса ограничений, свойственных науке СССР в целом, ставшая следствием ее «советизации», закрытости и идеологического диктата. От участия в программах и проектах международного сотрудничества зачастую отстранялись те специалисты, которые как раз представляли наибольший интерес для зарубежных коллег и могли бы принести наибольшую пользу собственным учреждениям и коллективам. В-третьих, крайне сложно было преодолеть бюрократические препоны, когда согласованные планы постоянно нарушались, а намерения сотрудничать не получали развития, что вызывало обоснованное раздражение у зарубежных коллег. Наконец, важным фактором было влияние противоречивых событий, происходивших в стране и по ее периметру, которые негативно оценивались представителями академического сообщества. Автор приводит красноречивые свидетельства реакции коллег-генетиков на вторжение войск стран Варшавского договора в Чехословакию в конце лета 1968 г., совпавшее по времени с XII Международным генетическим конгрессом в Токио, в котором принимала участие большая делегация из СССР (с. 106–107).

Отдельный параграф посвящен Международному генетическому конгрессу в Москве в 1978 г., ставшему маркером возрождения генетики в СССР. Реконструированная канва подготовки конгресса читается как детективная история, действующими лицами которой оказались ведущие советские генетики. Усилия не пропали даром, поскольку по его итогам сложилось общее мнение о весьма высоком уровне генетических исследо-

ваний в стране, что открывало возможности для расширения сотрудничества. Но вновь сказалось осложнение международной ситуации, и участие советских исследователей в последующих конгрессах резко пошло на спад (с. 128).

В заключении автор справедливо подчеркивает тот факт, что сохранение генетических исследований и восстановление довоенных традиций первоначально происходило в разрозненных «ячейках». Точками роста были кафедра генетики и селекции ЛГУ, лаборатория радиационной генетики в Институте биофизики и некоторые другие. В дальнейшем к ним добавились такие признанные центры, как ИЦиГ и ИОГен. Из текста книги понятен огромный вклад ведущих ученых старшего поколения в восстановление прежних и формирование новых научных направлений. Однако ознакомление с монографией оставляет нерешенными ряд вопросов. В частности, автором так и не раскрыто содержание важнейшей для его темы категории «научная школа», и он вообще не пользуется ею как методологическим инструментом. Представляется, что С. В. Шалимов, посвятив значительную часть своей работы сюжетам о международном сотрудничестве, не сумел существенно продвинуться вперед в плане анализа интеграции советских генетиков в коммуникативные структуры «незримых колледжей», и проблема корреляции советских научных школ и глобальных коммуникативных сетей в генетике осталась в тени проблематики, связанной с научным потенциалом. И это вновь заставляет вернуться к ранее обозначенной дихотомии «интерналистской» и «экстерналистской» традиции в историко-научных исследованиях. Рецензент понимает все сложности, которые возникли у автора монографии, историка по образованию, с проникновением в тонкую ткань парадигмы генетических исследований. Однако его тесное взаимодействие со специалистами-генетиками, которое прослеживается на страницах работы, могло бы позволить зафиксировать отправные точки и в таком ракурсе исследования истории отечественной генетики. Впрочем, нельзя объять необъятное, и несомненно, что, учитывая возможности избранной методологии анализа, автору удалось заполнить значительную нишу в реконструкции истории генетических исследований в обозначенный хронологический период.

*Водичев Евгений Георгиевич, д.и.н.
Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск);
Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск)*

⁶ Graham L., Science and Philosophy in the Soviet Union. New York, 1972. P. 195.